

Н.С. Киняпина — исследователь и педагог (к 100-летию со дня рождения)

Вадим Муханов

N.S. Kinyapina — the researcher and the teacher (to the 100th anniversary of the birth)

Vadim Mukhanov

*(Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870012937-1

В декабре 2020 г. исполнилось сто лет со дня рождения авторитетного историка и педагога — заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Н.С. Киняпиной. Она основала целую научную школу исследователей внешней политики Российской империи и управления её восточными окраинами.

Нина Степановна родилась 10 декабря 1920 г. в городе Кадом Темниковского уезда Тамбовской губ. (сейчас это небольшой посёлок городского типа и центр Кадомского района Рязанской обл.). После окончания школы она 23 августа 1938 г. поступила на исторический факультет Института истории, философии и литературы. В конце 1941 г. его эвакуировали в Ашхабад и включили в состав МГУ, объединив соответствующие факультеты. В 1942 г. Нина Степановна с отличием окончила университетский курс. Два года ей довелось работать школьным учителем, но уже в 1944 г. её пригласили преподавать в только что открытом Московском государственном институте международных отношений, который выделили из Московского университета для обучения будущих дипломатов. Это стимулировало и продолжение исследовательской деятельности. Поступив в аспирантуру Института истории АН СССР, Нина Степановна в 1950 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Русско-австрийские отношения в 1830—1833 гг.», в которой проанализировала историю Мюнхенгрецкой и Берлинской конвенций 1833 г. Её научным руководителем являлся Н.М. Дружинин. По словам своей ученицы, преподавая в ИФЛИ, «он прекрасно владел аудиторией, чутко следил за реакцией студентов, иногда, в зависимости от настроения аудитории, менял первоначальные акценты в построении лекции, что не нарушало стройности изложения, доказательности выводов, а лишь придавало ей живой характер. Широкая научная эрудиция, логика рассуждений, высокая культура речи придавали его занятиям большое общественно-научное значение... Глубина души и разума, внимание и уважение к человеку, благожелательность и доброта составляли отличительные черты Николая Михайловича. Интеллигент в самом высоком понимании этого слова, он учил и воспитывал молодёжь не только богатством своих познаний, умением проникать в сущность явлений и находить их место в общем процессе развития, но и корректностью и мягкостью обращения, убедительной и стро-

гой критикой»¹. В 1965 г. Н.С. Киняпина защитила в университете докторскую диссертацию² и в 1966 г. стала профессором.

С 1950 г. Нина Степановна более полувека, вплоть до последних дней жизни, преподавала на историческом факультете Московского университета. Профессор К.Г. Левыкин, учившийся в начале 1950-х гг., вспоминал: «Несколько лекций по истории внешней политики России во второй половине XIX века прочитала нам Нина Степановна Киняпина. Наверное, ей не было тогда ещё и тридцати лет, и мы, фронтовики, не буду греха таить, рассчитывали не только на снисхождение с её стороны к нашим боевым заслугам, но и на собственную неотразимость. А молодой доцент, очень симпатичная наша почти ровесница, встретила нас на своём экзамене строгим взглядом, не оставляя никаких надежд ни на то, ни на другое. Каждый на экзаменах получал от неё по мере своих знаний, но, надо сказать, что двоек она почти не ставила, да и с тройками от неё уходили немногие. Мне повезло, я получил на её экзамене “отлично” за ответ на вопрос о восточной политике правительства во второй четверти XIX века, несмотря на то что перепутал К. Маркса с Ф. Энгельсом... Нина Степановна, поправив меня в том, что слова “как только в Европе затухали революции, так перед Россией снова вставал Восточный вопрос” принадлежат Энгельсу, заметила, что в сути проблемы я разобрался достаточно основательно и с необходимой литературой ознакомился хорошо»³.

В 1940—1950-е гг. Нина Степановна изучала преимущественно события 1830-х гг., уделяя особое внимание сотрудничеству и соперничеству Петербурга и Вены, а также попыткам решения «Восточного вопроса»⁴. Как справедливо отметил М.А. Чепёлкин, «хотя отношения с Австрией были важнейшей составляющей внешней политики Николая I, специальное исследование данной темы было предпринято впервые в отечественной историографии. Анализ Мюнхенских и Берлинских конвенций, проведённый Н.С. Киняпиной, настолько обстоятелен, что за минувшие четыре десятка лет лучшей работы по этому вопросу так и не появилось»⁵. Так, согласно её выводу, «Мюнхенская конвенция хотя и не давала России уверенности в том, что в будущем конфликте на Востоке Австрия будет её верной союзницей, но она сделала невозможным осуществление плана Пальмерстона по созданию англо-австрийской коалиции, направленной против России. Ункяр-Искелесийский договор не мог просуществовать 8 лет без конвенции в Мюнхене. В этом положительное значение для России состоявшегося соглашения. Вместе с тем русско-австрийский договор 1833 г. явился известным отступлением от традиционного

¹ Киняпина Н.С. Краткий очерк научной, научно-организационной и педагогической деятельности Н.М. Дружинина // Николай Михайлович Дружинин (1886—1986). Биобиблиография. М., 1987. С. 23—24.

² Три года спустя она была опубликована: Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20—50-е гг. XIX в.). М., 1968.

³ Левыкин К.Г. Мой университет: Для всех — он наш, а для каждого — свой. М., 2006. С. 123.

⁴ Киняпина Н.С. Реакционная политика европейских держав в польском вопросе (1830—1831 гг.) // Вестник Московского университета. 1952. № 7; Киняпина Н.С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. // Учёные записки МГУ. 1952. Вып. 156; Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 2; Киняпина Н.С. Мюнхенские и Берлинские конвенции 1833 г. // Там же. 1960. № 1.

⁵ Чепёлкин М.А. Мастерство учёного // Россия в XVIII—XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000. С. 5.

стремления России решать ближневосточный вопрос только двусторонними переговорами с Турцией. Следующим шагом по этому пути были Лондонские конвенции 1840—1841 гг. ... Соглашения по польскому вопросу, подписанные в Мюнхенграце и Берлине, были безусловной победой русского царизма. Они подчиняли интересы Австрии и Пруссии в польском вопросе интересам правительства России»⁶.

Анализируя «события, непосредственно связанные с заключением Ункяр-Искелесийского договора», Киняпина учитывала, что «турецко-египетский конфликт потерял характер обычной для Османской империи феодальной распри и превратился в серьёзную международную проблему. Дело шло не только о самом существовании Турции, но прежде всего об изменении соотношения сил европейских держав на Ближнем Востоке». В этих условиях «царская Россия в то время была заинтересована в сохранении Турции и готова была оказать ей действительную помощь». И не случайно «сразу же по получении известия о войне Египта с Портой царское правительство поручило Бутенёву заявить султану, что оно надеется, что усилия Турции, направленные на усмирение мятежа, увенчаются успехом. Николай I уведомил султана о принятом им решении немедленно отозвать из Александрии (резиденции Мухаммеда-Али) русского консула и всех проживающих в Египте русских подданных, что с благодарностью было встречено в турецких правящих кругах». По мнению исследовательницы, «причина такой политики заключалась не столько в приверженности русского царя принципу легитимизма, который царизм неоднократно нарушал, сколько в стремлении использовать создавшуюся обстановку для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке. После Адрианопольского мира 1829 г., укрепившего влияние России на Балканах, царизм не желал падения или расчленения Турции. В дни заключения Адрианопольского трактата, когда возник вопрос о дальнейших судьбах Османской империи, Особый комитет, созданный в Петербурге для обсуждения этого вопроса, пришёл к заключению, что выгоды от сохранения Османской империи в Европе превышают невыгоды, что, следовательно, разрушение её было бы противно интересам России, поэтому необходимо предотвратить её падение. Именно такую политику и проводило царское правительство на Ближнем Востоке в период турецко-египетского конфликта. Ослабленная междоусобными феодальными распрями и национально-освободительным движением народов Балканского полуострова, Османская империя сама по себе не представляла никакой опасности для России. Напротив, победа Мухаммеда-Али привела бы к созданию на берегах Босфора сильного государства с преобладающим влиянием Франции. В этом случае царская Россия потеряла бы значительную часть своих преимуществ от Адрианопольского трактата 1829 г.»⁷.

Киняпина убедительно опровергала распространённые в западной историографии представления, согласно которым «Россия будто бы навязала Турции свою помощь и тем поставила Порту в зависимое положение», и доказывала, что в 1833 г. Турция «не могла не воспользоваться поддержкой России», особенно после того, как «государства Западной Европы отказали ей в помощи»⁸. Она показала, что энергичная дипломатическая игра Петербурга и его

⁶ Киняпина Н.С. Избранные труды по истории России XIX в. М., 2015. С. 68, 69.

⁷ Там же. С. 25—30.

⁸ Там же. С. 31. См. также: Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 61.

представителей вместе с дальнейшим ухудшением ситуации и явным военным поражением заставила султана официально обратиться к России за помощью и выступить с инициативой заключения союзного договора⁹. В итоге, как констатировал Чепёлкин, «весомо прозвучал общий вывод об Ункяр-Искелесийском договоре как высшей точке успехов России на Ближнем Востоке, после чего началось постепенное ослабление её позиций под нажимом остальных великих держав». Причём эта «сравнительно небольшая по объёму, но богатая по содержанию статья послужила отправной точкой многих последующих работ историков, в том числе и учеников Н.С. Киняпиной, о российской политике в восточном вопросе в 30-е гг. XIX в.»¹⁰.

В настоящее время никто не оспаривает, что «Ункяр-Искелесийский договор являлся серьёзным успехом внешней политики русского царизма на Ближнем Востоке», но «не ограничивал суверенитета Порты и был в известном смысле выгоден ей», а годы его действия (1833—1840) «отмечены укреплением политических отношений между Россией и Турцией». Вместе с тем «заключение Ункяр-Искелесийского договора благоприятно сказалось на положении балканских народов, которые, пользуясь укреплением русского влияния в Турции, смелее стали требовать выполнения Портой её обязательств, вытекавших из прежних договоров России с Турцией». По словам исследовательницы, «известное значение» имел этот трактат и для народов Кавказа, поскольку в 1830-х гг. «почти прекратились враждебные действия со стороны Турции на турецко-азиатской границе». Правда, тогда же «активизировалась деятельность английской дипломатии, которая не хотела мириться с ослаблением своих позиций в Турции и попыталась взять реванш на Кавказе». И, конечно же, «Адрианопольский и Ункяр-Искелесийский договоры способствовали усилению товарообмена между Россией и Турцией», в 1833 г. султан декларировал «полную свободу торговли русских подданных по всей территории Османской империи»¹¹.

В 1960—1970-х гг. Н.С. Киняпина разработала и издала фактически полный курс истории внешней политики Российской империи в XIX столетии¹². Благодаря чёткой и понятной систематизации материала, изложенного на высоком научном уровне, он уже более полувека остаётся незаменимой настольной книгой для студентов, аспирантов и университетских преподавателей при подготовке к лекциям и семинарским занятиям. По обоснованной оценке Чепёлкина, этот труд «сохраняет своё значение и как учебное пособие, и как общий исторический очерк ведущих направлений внешней политики России. Во многом это объясняется использованием обширного архивного материала, что придаёт убедительность и оригинальность суждениям автора. Не выпадая из общего замысла, отдельные разделы книги — о борьбе российской дипломатии за отмену ограничительных статей Парижского мира 1856 г., политике России в Средней Азии — по сути представляют собой самостоятельные исследования. Свидетельством широкого научного признания этой работы служит её издание в несколько расширенном и переработанном виде в Софии на бол-

⁹ Киняпина Н.С. Избранные труды... С. 39—40.

¹⁰ Чепёлкин М.А. Мастерство учёного. С. 5—6.

¹¹ Киняпина Н.С. Избранные труды... С. 46—49.

¹² Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

гарском языке»¹³. В ХХI в. по примеру своего учителя обзорные работы, посвящённые русской внешней политике ХIХ — начала ХХ в., выпустили ученики Киняпиной — В.В. Дегоев и О.Р. Айрапетов¹⁴.

В отличие от многих советских историков, строго придерживавшихся марксистско-ленинской парадигмы, Нина Степановна пыталась выявить соответствие внешнеполитической активности России её национальным интересам. Отстаивать эту позицию ей помогало глубокое знание источников. Значительное время Киняпина тратила на архивный поиск. Все её тексты и авторские спецкурсы были основаны на огромном количестве документов, в первую очередь — из хорошо знакомых ей фондов АВПРИ. Неоднократно она консультировала сотрудников архива, часто выступала рецензентом выпускавшихся ими сборников¹⁵. Столь же характерно для неё было глубокое погружение в историографию рассматриваемых сюжетов. Как пишет Н.П. Страхова, «историографические разделы её работ всегда свидетельствовали об отличном знании не только отечественной, но и зарубежной литературы по теме (на немецком, французском, английском и болгарском языках)»¹⁶. Вместе со своим учеником В.А. Георгиевым она педантично проанализировала всю историографию внешней политики России первой половины ХIХ в., охарактеризовав как советские, так и зарубежные работы¹⁷.

И всё же в центре научного творчества Нины Степановны всегда оставались усилия русской дипломатии на Балканах и Ближнем Востоке. Не случайно она стала ответственным редактором и руководителем яркого авторского коллектива (В.А. Георгиев, М.Т. Панченкова, В.И. Шеремет), создавшего монографию «Восточный вопрос во внешней политике России (конец ХVIII — начало ХХ в.)», в которой на широкой источниковой базе были рассмотрены практически все аспекты столь сложной темы со времён Екатерины II до Первой мировой войны¹⁸. Киняпина написала в ней вводную часть и раздел «Восточный вопрос во внешней политике России второй половины ХIХ в.», где подробно изложила ход многолетней борьбы России «за отмену ограничительных условий Парижского мира», и прежде всего — нейтрализации Чёрного моря, анализировала шаги дипломатического ведомства во главе с кн. А.М. Горчаковым, раскрыва-

¹³ Чепёлкин М.А. Мастерство учёного. С. 6. В Болгарии обе книги Киняпиной о внешней политике России объединили в одну: *Външната политика на Русия през ХIХ в.* София, 1980. Нина Степановна являлась также научным руководителем многих балканских учёных, специализировавшихся по истории России и истории международных отношений.

¹⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. Учебное пособие. М., 2004; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи 1801—1914 гг. М., 2006; Айрапетов О.Р. История внешней политики России. 1801—1914 гг. Т. 1—4. М., 2017—2018; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917). 1914. Начало. М., 2014; 1915 год. Апогей. М., 2014; 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015; 1917 год. Распад. М., 2015.

¹⁵ В частности, она рецензировала монументальную многолетнюю публикацию документов «Внешняя политика России ХIХ и начала ХХ в.»: Киняпина Н.С. Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов российского Министерства иностранных дел // История СССР. 1971. № 5. С. 136—141. В этой рецензии она, по выражению Страховой, не только «перечисляла достоинства данной беспрецедентной публикации», но и сама «выделяла и практически вводила в научный оборот многие ранее не известные документы» (Страхова Н.П. Слово об учителе: Н.С. Киняпина как учёный и как личность // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2012. № 2(22). С. 168).

¹⁶ Страхова Н.П. Слово об учителе... С. 165.

¹⁷ Итоги и задачи изучения внешней политики России: Советская историография. М., 1981.

¹⁸ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец ХVIII — начало ХХ в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.

ла причины его успеха. Особое внимание уделялось также взаимоотношениям Петербурга с молодыми балканскими государствами после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и правительственным планам захвата черноморских проливов в конце XIX в., так и не утверждённым и оставшимся проектами отдельных лиц. Между тем в книге признаётся, что внутренняя слабость Османской империи, частые восстания и беспорядки на её территории, конечно, лишь обостряли борьбу великих держав за её наследство. Изучение роли России в этом противостоянии в судьбоносном 1878 г. продолжил другой ученик Нины Степановны — С.Л. Чернов¹⁹.

Балканскому направлению русской дипломатии посвящена и последняя монография Киняпиной²⁰. В этой книге детально описаны тщетные надежды Петербурга на образование союза балканских государств, объясняются причины разрыва дипломатических отношений с Болгарией в 1886 г., признаётся слабость экономических позиций России в регионе на фоне активной экспансии Германии и Австро-Венгрии²¹.

Вместе с тем в академической манере категорически опровергались всевозможные обвинения Российской империи в перманентной агрессивности на Востоке, часто звучавшие в западной историографии. Как утверждала Киняпина, «в конце XIX в. внешняя политика России на Балканах и в районе проливов не носила наступательного характера. Российское правительство не имело территориальных притязаний на Балканах, не желало распада Османской империи, не выступало инициатором захвата проливов, отстаивая международный принцип их закрытия для военных кораблей всех держав»²².

Заметный вклад Нина Степановна внесла и в изучение присоединения к Российской империи Кавказа и Средней Азии²³. Эта тема интересовала её с молодых лет. Дискуссии о Кавказской войне и фигуре имама Шамиля начались вскоре после XX съезда КПСС. Тогда, как вспоминал профессор Левыкин, «поддержанная редколлегией журнала “Вопросы истории” и личным комментарием [заместителя] его главного редактора Э.Н. Бурджалова статья учителя Пикмана снова дала повод для полемики специалистов и общественности по, казалось бы, решённому наукой вопросу... Poleмика специалистов-кавказоведов, тем не менее, прошла и на историческом факультете. Она велась в контексте историко-партийных установок и программы ВКП(б) по национальной политике. Студенчество не было вовлечено в спор специалистов, в ходе которого не обошлось без постановки острых для того времени вопросов. Прямо был поставлен вопрос о том, что правы ли были основоположники марксизма-ленинизма, критиковавшие российскую завоевательную политику на Кавказе, обсуждая её вне связи с общемировыми колониационными процессами. В ходе дискуссии был поставлен и вопрос о праве науки критиковать ошибки, ошибочные взгляды идеологов пролетарского интернационализма. Мы, сту-

¹⁹ Чернов С.Л. Россия на завершающем этапе восточного кризиса, 1875—1878 гг. М., 1984.

²⁰ Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994.

²¹ Там же. С. 201—205.

²² Там же. С. 201. Подробнее см.: Косик В.И. Рецензия на кн.: Н.С. Киняпина. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 159—160.

²³ Подробнее об освещении этих сюжетов в её трудах см.: Муханов В.М. К столетию заслуженного профессора Московского университета Н.С. Киняпиной // Кавказский сборник. Т. 12(44). М., 2020. С. 393—415.

денты, были тогда наслышаны, что смелее всех на эти вопросы отвечала в кафедральной дискуссии доцент Нина Степановна Киняпина»²⁴.

Свою позицию она не поменяла и в последующие десятилетия, постоянно выступая против «выпячивания колониаторской политики царизма» и умаления «прогрессивного значения вхождения народов Кавказа в состав России»²⁵. При этом решающую роль, по её мнению, играли политические и военно-стратегические, а не экономические факторы. Кавказ в силу его географического расположения представлялся ей «сферой жизненно важных интересов для Российского государства», которую приходилось защищать от проникновения других держав. Так, в вышедшей под её редакцией коллективной монографии отмечалось, что «Кавказ и Средняя Азия стали последовательными звеньями во внешней политике России в немалой степени потому, что в аналогичном порядке они располагались в экспансионистской программе британского правительства»²⁶.

Киняпина не разделяла господствовавшего в советское время представления о России как колониальной империи. Применительно к таким регионам, как Кавказ и Средняя Азия, она предпочитала использовать термин «окраина», указывавший на то, что они являлись составной частью империи²⁷. В свою очередь, «отсутствие границ, отделявших метрополию от окраин, служило не столько географическим, сколько политическим фактором. Это заставляло самодержавие считаться с местными особенностями регионов: процессы, происходящие в центре и на окраинах, имели непосредственную связь, в отличие, например, от английских владений в Индии»²⁸. Киняпина учитывала и то, что в XIX в. окраины не являлись для России ни источником сырья, ни рынком сбыта, а правительство стремилось к их интеграции в единый государственный организм. Однако в силу специфики различных территорий этот процесс требовал особых методов и не мог протекать синхронно»²⁹.

Изучая внешнюю политику России, Нина Степановна проявляла пристальный интерес к формировавшим её историческим деятелям. Характеристике Николая I, кн. А.М. Горчакова и гр. Д.А. Милютина она посвятила несколько статей. В Милютине Киняпина видела самобытного государственного деятеля с широким кругозором и богатым практическим опытом, приобретённым в том числе и на Кавказе, где он сыграл заметную роль в разгроме имамата Шамиля³⁰. Характерно, что Дмитрий Алексеевич не раз «порицал невнимание Горчакова к азиатским проблемам», решение которых «именно в годы управления Военным министерством Д.А. Милютина... приобрело важное значение»³¹. Особенно это стало заметно, когда «изменившаяся к 1863—1864 годам между-

²⁴ Левыкин К.Г. Указ. соч. С. 114—115.

²⁵ Против фальсификации истории народов Кавказа (семинар на кафедре истории СССР) // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 3. С. 235.

²⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XIX в. М., 1984. С. 208. См. также: Киняпина Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 228.

²⁷ Киняпина Н.С. Административная политика России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35—36.

²⁸ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия... С. 317.

²⁹ Киняпина Н.С. Административная политика... С. 38.

³⁰ Киняпина Н.С. Дипломаты и военные... С. 221; Киняпина Н.С. Балканская конфедерация в планах военного министра России Д.А. Милютина // Отечественная история. 1996. № 3.

³¹ Киняпина Н.С. Дипломаты и военные... С. 224.

народная обстановка в Европе и на Кавказе побудила Милютину поддержать ранее отвергаемые им доводы местного руководства и Азиатского департамента МИД о переходе к наступательной политике в Средней Азии»³². И впоследствии именно военный министр курировал все операции на данном направлении, вплоть до Ахалтекинской экспедиции.

С нескрываемой симпатией Киняпина отзывалась о личных качествах, деятельности и взглядах кн. Горчакова, о видении им приоритетов и задач внешней политики страны, о его оценках международной обстановки в тот или иной период. В частности, она выразительно описывала его взаимоотношения с О. фон Бисмарком, начиная с их первого знакомства во Франкфурте-на-Майне в начале 1850-х гг., когда «в этом безвестном деятеле Горчаков увидел большой ум и характер воителя», скрупулёзно разобрала позицию будущего канцлера на Венской конференции 1854 г. и его попытки использовать трения среди противников, начав тайные переговоры с эmissаром Наполеона III, реконструировала программу князя на посту министра иностранных дел»³³.

Об особенностях личности и политике Николая I Нина Степановна говорила не только в статьях, но и на авторском спецкурсе, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Она возражала против изображения императора ограниченным самодуром и настаивала на том, что это была отнюдь не «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира»³⁴.

Символично, что в своих последних статьях профессор Киняпина размышляла именно о Николае I, с изучения эпохи которого когда-то начинала свою научную деятельность. Её лекции о Николае I также завершили целый цикл курсов, с которыми она знакомила своих учеников на протяжении нескольких десятилетий. Как вспоминает В.А. Георгиев, «спецкурсы, прочитанные Ниной Степановной за 50 лет педагогической деятельности, — это целый мир открытий как для неё самой, так и для её слушателей. Не компилятивные, а основанные на глубокой научной разработке читаемой проблемы, содержащие в себе россыпи архивных материалов, именно в студенческой аудитории впервые вводимые в научный оборот, эти спецкурсы фактически охватывают всю историю внешней политики России XIX в. ... Две прекрасные книжки Нины Степановны о внешней политике России XIX в. непосредственно выросли из этих спецкурсов и обобщают лишь небольшую часть прочитанного материала». И хотя Нину Степановну никогда не увлекала «погоня за научной модой», все её спецкурсы были «актуальны и современны». Вместе с тем они представляли собой «лицо кафедры» и привлекали студентов не только тематикой (проливы, славянский мир, Кавказ и Средняя Азия), но и «твёрдой молвой о глубине и содержательности этих лекций»³⁵.

Труды Н.С. Киняпиной получили широкую известность и признание. В 1980 г. за работы по истории внешней политики Московский университет присудил ей свою высшую научную награду — Ломоносовскую премию, а в 1996 г. она получила звание заслуженного профессора. В 2000 г. на историче-

³² Там же. С. 237.

³³ Киняпина Н.С. Александр Михайлович Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12; Киняпина Н.С. А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998.

³⁴ Киняпина Н.С. Николай I: личность и политика // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 6; Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1—2.

³⁵ Интервью с В.А. Георгиевым. Май 2020 г. (архив автора).

ском факультете праздновали 50-летие её научной и педагогической деятельности в стенах МГУ (и одновременно 80-летие со дня рождения)³⁶. Её достижения были отмечены также несколькими почётными званиями Кембриджского международного биографического центра.

Профессор Н.С. Киняпина основала самостоятельную школу, включающую несколько поколений исследователей истории внешней политики России и управления окраинами империи. Всего она подготовила более 30 кандидатов и докторов наук, а также свыше 150 дипломников³⁷. Среди её учеников — О.Р. Айрапетов, В.М. Безотосный, В.А. Георгиев, В.В. Дегоев, О.В. Маринин, М.А. Чепёлкин, С.Л. Чернов. Они есть в Северной Осетии (Р.С. Бзаров) и в Армении (В.Г. Тунян), в Белоруссии (Н.Е. Аблова) и в Киргизии (Т.К. Кененсариев), а также в Болгарии (Н. Дюлгерова). У многих из них уже имеются собственные ученики, которые продолжают традиции, заложенные Киняпиной. По словам Георгиева, «влияние школы Нины Степановны прослеживается в Тбилиси и Ташкенте, Софии и Белграде, ряде других стран и бывших республик бывшего Советского Союза»³⁸.

Большое число учеников, по мнению Страховой, «объясняется не только разрабатываемыми Ниной Степановной внешнеполитическими проблемами, её бесспорной неординарностью как учёного, но и чисто человеческими качествами: к ней тянулись люди». Многие брали с неё пример, старались ей подражать. «Помню, — писала Страхова, — первую её лекцию, когда эта красивая, элегантно одетая женщина заговорила о марксистско-ленинской методологии. Она сказала, что К. Маркс и Ф. Энгельс были политиками, а не историками, к тому же не любили Россию. Поэтому нельзя принимать их суждения о нашей стране как бесспорные, необходимо учитывать время и цели написания той или иной статьи, эволюцию воззрений классиков марксизма, степень овладения к тому моменту русским языком и т.д. Подчёркиваю: шёл 1972 год. Это было смело, необычно, как, впрочем, и всё остальное, что Нина Степановна говорила на лекциях. Восхищало не только то, что она говорила, но и то, как она это говорила. Она обладала несомненным литературным даром и умела так построить фразу, что её лекции не только давали пищу для ума, но и неизменно доставляли эстетическое наслаждение»³⁹.

В.В. Дегоев вспоминал: «Нина Степановна была не только учёным, но и учителем от Бога. В её школу приходили мы, тогда ещё молодые люди с разным уровнем профессиональной подготовки, с разным стилем мышления, с разными предпочтениями в отношении выбора сюжетов для исследования, наконец, с разной степенью мотивации к работе. Нина Степановна всегда знала, как найти дорогу к каждому из нас, как открыть нам наши сильные стороны и как уберечь от опасности потратить годы на поиски того, что “не твоё”. Результат ли это богатого наставнического опыта или врождённое, если угодно, материнское чутьё? Вероятно, и то, и другое. В школе Киняпиной не было ни диктатуры “академического” стандарта, ни менторского всевластия научного руководителя, зачастую убивающих творческую энергию. Нина Степановна обладала особым

³⁶ К юбилею её ученики подготовили сборник: Россия в XVIII—XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000. К 95-летию учёного появилось издание: *Киняпина Н.С. Избранные труды...*

³⁷ Интервью с В.А. Георгиевым.

³⁸ Там же.

³⁹ *Страхова Н.П.* Слово об учителе... С. 164—165.

даром эту энергию раскрепощать, в то же время приучая нас не только к свободе, но и к дисциплине мысли. Принадлежащие её сколь изящному, столь и строгому перу книги — сами по себе прекрасные уроки научной стилистики. Во всяком случае, я, как и многие мои коллеги, писать учился и продолжаю учиться у Нины Степановны. Да и только ли писать... Когда судьба дарует счастье общения с таким человеком, ты становишься её должником на всю жизнь. Но это есть та редкая разновидность чувства долга, с которой душа и память не желают расставаться»⁴⁰.

Со своими учениками Нина Степановна обращалась исключительно чутко, прощала им ошибки и прегрешения, терпеливо ждала их исправления, тщательно объясняла свои требования. По свидетельству Страховой, «суровая критика на полях наших работ перемежалась похвалами, если какое-то высказанное нами суждение ей понравилось. Она умела поддержать ученика, помочь ему поверить в свои творческие возможности, избавиться от комплексов. И делала это очень тактично»⁴¹. Как рассказывает Георгиев, «нетерпимость к авторитетам сочетается в ней с крайне уважительным отношением к своим ученикам. Её терпеливость (отнюдь не терпимость), желание разобраться в порой наивных и, может быть, амбициозных наших построениях — безграничны. В её работе с учениками на первом месте доброжелательность, желание понять чужое мнение, пропустить его через себя. Её замечания всегда корректны и в большинстве своём справедливы. У неё нет желания навязать свою точку зрения». И поэтому «школа Нины Степановны — это не выстроенная по ранжиру рота, в единой форме и стриженная под машинку»⁴².

Никто из учеников не забудет постоянно проявлявшегося ею участия. Она регулярно интересовалась личными делами своих подопечных, не исключая и бытовых обстоятельств, старалась всячески их поддерживать и по возможности помогать. Все помнят её гостеприимство и как в её доме угощали и расспрашивали о новостях, свершениях и бедах. «Доктор исторических наук Владимир Владимирович Дегоев, — вспоминала Страхова, — как-то сказал обо всех нас, учениках Нины Степановны, что “мы — дети одной матери”». Это действительно так: Нина Степановна была второй мамой всем своим ученикам, очень внимательной, очень доброй, очень заботливой и вместе с тем справедливой и требовательной, когда дело касалось наших научных трудов»⁴³.

Киняпина всегда вступалась за своих учеников, выступала их ходатаем перед руководством кафедры и другими сотрудниками факультета, поддерживая молодых учёных, она не делила их на своих и чужих. Так, о её поддержке при обсуждении его докторской диссертации с благодарностью помнит Ф.А. Петров (ученик П.А. Зайончковского): «Забота Ивана Антоновича [Федосова] и Нины Степановны не о своём ученике, а одном из бесчисленной вереницы студентов, аспирантов и докторантов, прошедших через кафедру за полвека их деятельности, была просто поразительна. Они ведь чуть ли не больше меня волновались за мою защиту»⁴⁴.

Нина Степановна Киняпина до последнего дня интересовалась делами университета и кафедры, радовалась успехам учеников. 11 октября 2003 г. её не стало...

⁴⁰ Интервью с В.В. Дегоевым. Июль 2020 г. (архив автора).

⁴¹ Страхова Н.П. Слово об учителе... С. 165.

⁴² Интервью с В.А. Георгиевым.

⁴³ Страхова Н.П. Слово об учителе... С. 164.

⁴⁴ Петров Ф.А. Династии московской интеллигенции XX в. Петровы и Саваренские. Биографии. Письма. Дневники и воспоминания. М., 2007. С. 495—496.